

Ева Стелла

Ловушка

Ева Стелла Ловушка

<https://litres.ru/74214488>

Аннотация

По условиям завещания Максим Громов должен жениться на незнакомке, чтобы получить миллиардное наследство. Единственное правило брачного контракта - никакой интимной близости. Но когда под одной крышей сталкиваются ненависть и влечение, а штраф за поцелуй исчисляется миллионами, становится очевидно: самый опасный пункт договора - не тот, что написан, а тот, что читается между строк.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Глава первая

Сентябрьский дождь барабанил по огромным панорамным окнам переговорной комнаты в башне «Меркурий», и каждая капля, сползая по закаленному стеклу, оставляла за собой мутный след, похожий на дорожку улитки, - серый, дрожащий, нерешительный.

Полдень уже миновал, но небо над Москвой казалось выцветшей фотографией, где все цвета смешались в однородную массу, и даже золотые буквы на фасаде напротив не могли пробиться сквозь эту пелену. Часы на стене, массивный антикварный хронометр с боем, который достался этой компании еще от деда нынешнего владельца, показывали ровно четырнадцать ноль семь, и каждая секунда его механического хода отдавалась в висках Максима Громова тупой, пульсирующей болью.

Он сидел на предпоследнем стуле длинного овального стола из полированного дуба, того самого, что пахнет пылью и дорогим воском, и смотрел, как его собственные пальцы - длинные, с аккуратными ногтями, привыкшие к клавишам рояля и кнопкам телефона - бессознательно теребят край папки с золотым тиснением. Кожа на кончиках пальцев была сухой, чуть шершавой - верный признак начинающегося стресса, который он всегда узнавал по этому безобидному, но навязчивому ощущению, будто он касается наждач-

ной бумаги.

- Мы собрались здесь, - произнес адвокат Вячеслав Борисович, и его голос, низкий, с легкой хрипотцой, разнесся по комнате тяжелыми, вязкими волнами, - чтобы зачитать последнюю волю Василия Петровича Громова.

Максим поднял глаза. Адвокат сидел во главе стола - грузный мужчина лет шестидесяти с одышкой, которую выдавал едва заметный свист в конце каждой фразы. Он носил очки в тонкой золотой оправе, сидевшие на его мясистом носу с такой уютной основательностью, будто вращались в кожу годами. Жакет его - дорогой, из мягкой шерсти, цвета воронова крыла - был расстегнут, и Максим заметил, как Вячеслав Борисович нервно поправляет галстук всякий раз, когда его взгляд падает на дверь. Он ждал кого-то. Или боялся, что кто-то войдет.

Максим перевел взгляд на других присутствующих. По правую руку от адвоката сидела его мать, Елизавета Петровна, женщина пятидесяти двух лет, сохранившая ту строгую, аристократичную красоту, которая досталась ей от бабушки-немки и которую она поддерживала ежедневными процедурами и еженедельными визитами к косметологу. Ее губы были сжаты в тонкую линию - привычка, появившаяся у нее после смерти мужа, - и она смотрела в пространство перед собой с выражением ледяного спокойствия. Волнение выдавало лишь то, как ее правая рука сжимала перламутровую ручку стилуса до побеления костяшек. Она не плакала. Ели-

завета Петровна не позволяла себе слез в общественных местах - это было ниже ее достоинства.

Слева от матери, чуть поодаль, застыл Кирилл, его старший брат. Тридцать семь лет, лощеный, с вечным прищуром человека, привыкшего оценивать все вокруг на предмет выгоды. Он сидел откинувшись на спинку кресла, нога на ногу, и кончик его дорогого туфля марки «Джон Лобб» покачивался в такт каким-то внутренним ритмам, которые слышал только он. Кирилл теребил золотой перстень на безымянном пальце - подарок отца, полученный в двадцатипятилетие, - и в этом жесте Максим читал знакомое с детства нетерпение. Брат всегда хотел получить все и сразу, и любое ожидание было для него пыткой, даже если речь шла о чтении завещания, которое, как они оба подозревали, не принесет никому из них ничего нового.

Но был еще один человек в комнате. Женщина.

Максим заметил ее только сейчас, когда она чуть подалась вперед, чтобы поправить упавшую на лицо прядь длинных, цвета воронова крыла, волос. Она сидела в углу, почти у самой двери, на стуле, который явно был принесен сюда из приемной - низком, неудобном, с ободранной ножкой. И этот диссонанс - она, сидящая на дешевом стуле среди дуба и кожи, - заставил Максима замереть.

Она была красива. Не той холодной, музейной красотой его матери и не той агрессивной, глянцевої красотой, которую он привык видеть на обложках мужских журналов. Нет.

Она была красива той опасной, хищной красотой, которая заставляет сердце пропускать удар, когда ты видишь ее в толпе, а потом, уже через минуту, ловишь себя на том, что не можешь вспомнить цвет ее глаз, потому что смотрел совсем не в них.

Ее глаза - и Максим все-таки заставил себя посмотреть именно туда - были ярко-зелеными, с золотыми крапинками у зрачков, и они смотрели на него с такой откровенной, неприкрытой насмешкой, что ему стало не по себе. Она улыбнулась - чуть заметно, одними уголками губ, - и этот жест был настолько быстрым, что если бы он моргнул, то пропустил бы его.

- Кто это? - прошептал Максим, наклоняясь к матери, но Елизавета Петровна даже не повернула головы.

- Это Алиса, - ответил вместо нее Кирилл, и голос его прозвучал с той сладкой, ядовитой интонацией, которую Максим ненавидел с детства, - наша... как бы это сказать... проблема. Или решение. Смотря как посмотреть.

- Заткнись, Кирилл, - рывкнул Максим, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Он ненавидел, когда брат говорил загадками, ненавидел его вечную манеру наслаждаться чужой растерянностью.

- Джентельмены, - адвокат Вячеслав Борисович кашлянул в кулак, и этот звук прозвучал неестественно громко в тишине комнаты, - и леди. Прошу вас сосредоточиться на процедуре.

Максим снова перевел взгляд на ту, которую называли Алисой. Она сидела очень прямо, но не так, как сидела его мать - с вызовом, с намеренной расслабленностью, которая была лишь маской. Максим заметил, как ее пальцы - длинные, с коротко стриженными ногтями без всякого покрытия - сжимают край ее собственной папки, которую она держала на коленях. Папка была дешевой, картонной, с выцветшей надписью «Дело № 174», и этот контраст с его кожаным, золотым переплетом заставил его нахмуриться.

В комнате стало тихо. Слышно было только, как дождь барабанит по стеклу, как где-то в коридоре звенит телефон, трубку которого никто не берет, и как тяжело, прерывисто дышит адвокат, собираясь с духом для важного объявления. За окном промелькнула чайка - серая, мокрая, призрачная, - и Максим на мгновение задумался, что она здесь делает, в центре Москвы, среди стекла и бетона. Может быть, сбилась с пути, как и он сейчас.

- Я, Василий Петрович Громов, - начал читать адвокат, и голос его преобразился, став официальным, казенным, - находясь в твердом уме и ясной памяти, излагаю мою последнюю волю...

Максим закрыл глаза на секунду и позволил себе провалиться в воспоминание.

Отец стоял на кухне их старого загородного дома, того самого, который был продан еще пять лет назад, и шумно наливал себе чай из заварочного чайника, толстостенного, гжель-

ского, с синими цветами, которые его мать ненавидела, потому что они «не вписывались в интерьер». Василий Петрович был огромным мужчиной - не толстым, а именно огромным, кряжистым, с медвежьей статью и медвежьей же добродушной улыбкой, которая появлялась на его лице только тогда, когда он смотрел на младшего сына.

- Макс, - говорил отец, ставя перед ним кружку с чаем, которую он называл «мужской» из-за ее объема, - ты когда-нибудь поймешь, что жизнь - это не рояль. На рояле ты можешь нажать нужную клавишу и получить чистую ноту. В жизни нет клавиш. Есть только люди, которые постоянно наступают тебе на ноги, особенно те, кто должен любить тебя.

Максим тогда не понял - ему было двенадцать, мир казался ему простым и понятным, как гамма до-мажор. Отец вздохнул. Этот вздох - глубокий, из самой утробы - был похож на рычание большого зверя, который знает, что его время уходит.

- Обещай мне, - сказал Василий Петрович, беря сына за плечи и глядя ему прямо в глаза, - обещай, что никогда не позволишь деньгам управлять тобой. Деньги - это инструмент. Как твой рояль. Играй на них, но не давай играть собой.

Максим моргнул, возвращаясь в реальность, и понял, что адвокат уже перешел к главной части завещания, потому что голос его стал громче, настойчивее, и мать подалась вперед всем корпусом, словно собираясь броситься на чтеца.

- ...все движимое и недвижимое имущество, включая акции «Громов-Холдинга», долю в строительной компании «Фундамент» и пакет ценных бумаг, переходит в равных долях... - адвокат сделал паузу, чтобы перевести дух, и в этой паузе повисла такая тяжелая, вязкая тишина, что, казалось, ее можно было резать ножом, - ...моим сыновьям, Кириллу и Максиму.

Кирилл выдохнул - громко, облегченно, даже театрально, и его нога перестала покачиваться. Елизавета Петровна лишь слегка склонила голову, и Максим заметил, как дрогнула ее рука, сжимающая стилус. Он сам почувствовал, как невидимый груз сваливается с его плеч, хотя он и не надеялся на наследство - по крайней мере, не на это, не на такую огромную сумму, которая могла бы изменить все.

- Однако, - адвокат поднял палец, и этот жест был настолько театральным, что Максим чуть не усмехнулся, хотя внутри все сжалось от предчувствия, - в завещании есть одно условие. Особое условие.

Он надел очки - до этого они висели у него на шее на тонкой золотой цепочке, - и Максим увидел, как его глаза, близорукие, водянистые, бегают по строчкам в поисках нужного абзаца.

- Для того чтобы вступить в права наследования, - продолжил адвокат, и голос его дрогнул, - мои сыновья должны... как здесь сказано... заключить брак. С определенным лицом. В течение тридцати дней со дня моего ухода.

В комнате повисла тишина, которую можно было потрогать руками. Дождь за окном вдруг стал казаться оглушительным, и Максим слышал, как каждая капля разбивается о стекло с отчетливым, мокрым звуком. Он не мог дышать, а просто смотрел на адвоката, ожидая, что тот скажет, что это шутка, глупая, безвкусная шутка человека, который всегда любил подшучивать над своими сыновьями.

- Кто? - выдавил он из себя наконец, и голос его прозвучал чужим, хриплым, как будто он не разговаривал несколько дней.

Вячеслав Борисович медленно, торжественно обвел взглядом комнату и остановил его на женщине в углу.

- Алиса Соболева, - произнес он с таким видом, будто называл имя королевы, - внучка старого друга покойного, Сергея Васильевича Соболева. Она должна стать женой одного из сыновей Громовых, чтобы брак был признан действительным и наследство было распределено согласно воле покойного.

Максим перевел взгляд на Алису. Она не смотрела на него. Она смотрела на адвоката, и выражение ее лица было совершенно невозмутимым, словно она знала о содержании завещания уже давно. И только когда она скосила на него глаза - на долю секунды, - он прочитал в них насмешку. Вызов. И что-то еще, что он не мог определить, что-то древнее и опасное, как запах озона перед грозой.

- Это бред, - выдохнул Максим, вставая со стула так резко,

что он отъехал на полметра и с глухим стуком ударился о стену, - это абсурд! Отец не мог! Он бы никогда...

- Максим, сядь, - ледяным тоном произнесла мать, но он не слышал ее. Он смотрел на Алису, которая все еще сидела, сложив руки на коленях, и в ее позе была такая спокойная, ленивая уверенность пантеры, что он заскрежетал зубами.

- Мой брат, - начал Кирилл, и Максим услышал в его голосе тот же ядовитый, приторный мед, который он так ненавидел, - я уже помолвлен с Анжеликой, дочерью Кравцова. Это решенный вопрос. Договоренность на уровне совета директоров. Так что, дорогой братец, жребий пал на тебя. - Он хмыкнул, и в этом хмыканье было такое торжествующее злорадство, что Максиму захотелось ударить его. - Поздравляю. Ты, кажется, всегда мечтал о яркой и бурной семейной жизни.

- Заткнись, Кирилл, - повторил Максим, чувствуя, как в висках пульсирует кровь, а пальцы сжимаются в кулаки, но он заставил себя сесть и перевел дыхание, потому что знал: вспышки гнева ни к чему не приведут.

Адвокат откашлялся, и этот звук прозвучал как выстрел в тишине.

- Я должен добавить, что в завещании также указано, что брак должен быть зарегистрирован в течение тридцати дней, и... как здесь сказано... - Вячеслав Борисович снова перечитал строчку и покраснел, - « во время брака сыновья должны проживать совместно с избранницей в доме покойного в Се-

ребрянном Бору в течение одного года. В случае развода или раздельного проживания раньше этого срока, все права на следования аннулируются, и все состояние переходит в благотворительный фонд для бездомных животных».

Кирилл засмеялся - громко, нарочито, и Максим увидел, как на губах матери застыла такая же ледяная усмешка. Он чувствовал, что все это - какой-то дурной сон, в который он попал, сам того не желая. И в центре этого сна была она - эта Алиса, с зелеными глазами, в которых горел насмешливый огонь, и с улыбкой, которую он хотел стереть с ее лица собственными руками.

- Ну, - произнесла Алиса, и голос ее, низкий, с легкой хрипотцой, разнесся по комнате, - похоже, нам нужно обсудить детали нашей... помолвки. Или ты собираешься отказываться от миллиардов, господин Громов?

Она встала - плавно, бесшумно, как кошка, - и Максим заметил, что она высокая, почти одного роста с ним, что у нее очень длинная, изящная шея, и гордая, королевская осанка. Он на мгновение забыл, как дышать.

- Я не собираюсь жениться на тебе, - ответил он, но голос его дрогнул, и он ненавидел себя за эту дрожь, которую она, конечно же, заметила по тому, как дернулся уголок ее губ, - это бред. Я найду способ обойти это.

- О, ты можешь попытаться, - сказала она, подходя к столу и кладя на него свою дешевую картонную папку, - но твой отец был умным человеком. Он все предусмотрел. Да-

же пункт о том, что если брак не состоится в течение тридцати дней... - она выдержала паузу и посмотрела на адвоката, - ...ты теряешь право голоса в совете директоров. А голосование по слиянию с «Транс-Газом» назначено на следующую среду. Так что у тебя, дорогой женишок, не так много времени, чтобы строить из себя гордого и неприступного.

Максим перевел взгляд на адвоката, и тот, смущенно покашляв, подтвердил:

- Да... это действительно так. Пункт 17.2, приложение «Г». Он вступает в силу автоматически в случае невыполнения условий завещания.

«Черт, черт, черт», - пронеслось в голове Максима, и он почувствовал, как мир переворачивается с ног на голову. Он всегда думал, что отец просто добрый, смешной медведь, который любит розыгрыши. Но этот розыгрыш был жестоким, беспощадным, рассчитанным на то, чтобы загнать его в угол, лишить выбора, заставить сделать то, что он ненавидел больше всего - быть управляемым, быть частью чужой игры.

Он вышел из переговорной не оглядываясь, и дверь за ним закрылась с мягким, гидравлическим щелчком. Коридор тонул в сером свете, и он прислонился лбом к прохладной мраморной стене, чувствуя, как в груди разрастается жар, а в голове - хаос. Пахло здесь стерильной чистотой, лимонным освежителем и кофе, который варили в автомате на первом этаже. Этот запах был таким обыденным, домашним, что он почти рассмеялся.

Но смех застрял в горле, потому что он услышал шаги за спиной.

Мягкие, почти неслышные шаги, но он знал, кто это, еще до того, как обернулся.

- Уходишь? - спросила Алиса, прислонившись к стене на расстоянии вытянутой руки, и он заметил, что ее лицо изменилось - насмешка куда-то ушла, и в глазах было что-то похожее на усталость. - Или ты действительно надеешься, что это все само рассосется?

- Отойди, - сказал он, чувствуя, как его голос становится низким, почти угрожающим, - я не хочу с тобой разговаривать.

- А со мной разговаривать необязательно, - пожала она плечами, и этот жест был таким естественным, таким свободным, что он снова нахмурился, - но ты должен понять одну вещь. Я тоже не в восторге от этого брака. Я вообще не хочу замуж. И уж точно не за наглого, избалованного мажора, который считает, что ему всё должно доставаться даром. Но у меня есть свои причины, чтобы участвовать в этом спектакле. И если ты думаешь, что я буду играть роль покорной женушки, которая ждет тебя у камина с ужином... - она усмехнулась, и эта усмешка заставила его кровь закипеть, - то ошибаешься.

- Какие, к черту, причины? - выдавил он сквозь зубы, не выдержав, и шагнул к ней на шаг, сокращая расстояние, так что теперь между ними оставалось несколько сантиметров и

запах ее духов - сладких, с нотами корицы и апельсина, которые он ненавидел до этого момента, а сейчас они кружили ему голову, - ты продажная девка, которая хочет получить кусок от чужого наследства, верно?

Алиса не отступила. Она подняла на него свои зеленые глаза, и в них больше не было насмешки - только ледяная, злая ярость, которую она сдерживала с огромным усилием.

- Ты ничего не знаешь, Максим Громов, - ответила она тихо, и в голосе ее прозвучало что-то такое, что заставило его замереть, - ты просто избалованный ребенок, которому никогда не отказывали. Но у меня есть долг перед твоим отцом. И я его выполню. Даже если для этого мне придется выйти замуж за такое ничтожество, как ты.

Она развернулась и ушла так же бесшумно, как и появилась, оставив после себя только запах корицы и апельсинов, который, казалось, пропитал стены и воздух. Дождь за окном все еще барабанил, а он стоял, не в силах пошевелиться, слушая, как где-то далеко внизу сигналит машина и как его собственное сердце бьется о ребра, как загнанный зверь.

Он ненавидел ее. Впервые в жизни он встретил женщину, которая заставляла его чувствовать себя маленьким и беспомощным, и это бесило его до боли в зубах. Но почему-то, когда он закрыл глаза, он увидел ее лицо - не насмешливое, а то, которое мелькнуло на мгновение, уставшее, почти испуганное, и этот образ преследовал его весь путь до дома, пока дождь за окнами такси превращал город в размытую ак-

варель, где не было четких линий и только его собственные мысли были кристально ясными.

«Ты ничего не знаешь», - сказала она. И черт бы ее побрал, он понял, что она была права. Он ничего не знал. Ни о ней, ни об отце, ни о том, во что он ввязался.

Глава вторая

Дом в Серебряном Бору встретил его запахом старого дерева и воска.

Максим стоял в прихожей, стряхивая капли дождя с плаща, который промок насквозь, потому что он не взял зонт, и смотрел на длинный коридор, уходивший в полумрак, где старые лампы с абажурами из цветного стекла отбрасывали на стены узоры, похожие на застывшие тени.

Здесь было все так же, как при жизни отца: тяжелые дубовые двери, резные, с латунными ручками, которые он помнил с детства, когда был еще достаточно маленьким, чтобы не доставать до них макушкой, и когда ему казалось, что эти двери ведут в миры, полные тайн и приключений.

Паркетный пол, уложенный елочкой, слегка поскрипывал под ногами, и этот звук - скрип, который он слышал всю свою жизнь, - был одновременно успокаивающим и тревожным, потому что он напоминал ему о шагах отца, который всегда возвращался поздно вечером и проходил по этому коридору, и Максим часто просыпался от этого скрипа и знал, что отец пришел, что все хорошо.

Он прошел в гостиную, и в нос ударил запах сырости - наверное, протекала крыша где-то в восточном крыле, и дождь, этот проклятый, бесконечный сентябрьский дождь, делал свое дело, проникая в каждую щель и наполняя дом

влагой, которая оседала на стенах и мебели, как невидимый саван.

Он сел в глубокое кожаное кресло, которое отец называл «своим тронem», и закрыл глаза, позволяя себе провалиться в тишину. Где-то тикали старые напольные часы, те самые, с кукушкой, которую отец чинил каждую весну, снимая механизм и смазывая каждую шестеренку. Их монотонный звук был похож на убаюкивающий колыбельную, под которую он засыпал в детстве, когда отец сидел рядом и читал ему вслух приключенческие романы.

Но уснуть не получалось. Мысли метались, как мотыльки вокруг лампы, и каждая из них обжигала его, оставляя на коже невидимые ожоги. Он вспомнил себя в пятнадцать лет, когда впервые влюбился в свою учительницу музыки, Анастасию Павловну. Высокую блондинку с усталым лицом и такими тонкими, изящными пальцами, что казалось, они были созданы только для того, чтобы касаться клавиш, а не для грубой жизни. Он ходил на ее уроки каждый день, выучил Шопена и Брамса наизусть, слушал ее голос - низкий, чуть надтреснутый, с легкой картавостью, которая делала его особенным. Он думал о том, как было бы хорошо сидеть с ней вечером в этой гостиной и слушать старые пластинки, которые собирал отец, смотреть, как пламя в камине отражается в ее глазах, и молчать, потому что слова были бы лишними.

Но она ушла. Собрала вещи и уехала в Германию с каким-то музыкантом, который играл на гитаре и пел не в но-

ты, оставила его с разбитым сердцем и чувством, что он недостаточно хорош.

Он помнил ту осень - холодную, тоскливую, - когда он ходил по этому дому и не находил себе места, садился за рояль и играл одни и те же грустные аккорды, пока пальцы не начинали болеть, а мать не кричала из соседней комнаты, чтобы он прекратил этот шум. Отец тогда нашел его на чердаке, в старом кресле с разъезжающимися ножками, которое они собирались выбросить, но так и не выбросили, и сел рядом, ничего не спрашивая, просто положил руку ему на плечо и сидел молча. Они сидели в темноте почти час, и только когда Максим начал засыпать, Василий Петрович заговорил.

- Любовь - это всегда выбор, сын, - сказал он, и голос его был тихим, но твердым, - ты выбираешь страдать или идти дальше. Но если ты решишь страдать, не делай это привычкой. Привычка страдать - это как привычка пить. Сначала помогает, потом убивает тебя изнутри, превращая в тень человека, которым ты был.

Тогда он не понял. Сейчас - начинал понимать, и это понимание было горьким, как хина, которую мать заставляла его пить при простуде, и он ненавидел этот вкус так же сильно, как ненавидел свою беспомощность перед прошлым.

Максим открыл глаза и посмотрел на часы. Девятнадцать тридцать. Дождь за окнами не прекращался, и свет от уличного фонаря просачивался сквозь занавески, отбрасывая на пол длинные, дрожащие тени, похожие на пальцы, которые

тянутся к нему, чтобы схватить его и утащить в темноту. Он поежился и встал, решив осмотреть дом, потому что бездействие было невыносимым, и ему нужно было чем-то занять руки, чтобы не думать о ней, о ее глазах, о ее голосе.

Он прошел через столовую, где запах воска смешивался с запахом пыли и старого серебра, которое его мать никогда не использовала, но всегда настаивала, чтобы оно было начищено до блеска. Он остановился у большого зеркала в резной раме, которая была сделана из дуба и покрыта лаком так, что дерево казалось живым, дышащим. В отражении увидел свое лицо: усталое, с темными кругами под глазами, которые он не заметил утром, и с твердой, упрямой складкой между бровей, унаследованной от отца. С этой складкой он выглядел старше своих тридцати пяти лет, как человек, который уже слишком много видел и слишком мало чувствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.